
А. Г. БОБРОВ

Великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка в древнерусской литературе и книжности

Предварительные замечания

Великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка относится к числу персонажей российской истории, которые вызывали и вызывают до настоящего времени жаркие споры. Оценки его личности и роли в истории подчас не просто различны, они диаметрально противоположны. Для одних исследователей этот князь являлся олицетворением угрозы устоям общества и самой «государственной безопасности» (выражение Н. М. Карамзина), а для других он был «самым блистательным сыном» своей эпохи (выражение А. А. Зимина). Понятно, что оценка личности князя Дмитрия Шемяки в трудах историков Нового времени зависит в значительной степени от их политических взглядов и общих воззрений на исторический процесс. Тем более интересно, что думали о Шемяке древнерусские книжники — его современники. В данной статье мы рассмотрим отношение к деятельности князя Дмитрия Шемяки древнерусских авторов, делая акцент на пяти ключевых эпизодах его судьбы: участие в феодальной войне, в борьбе за Москву (1433—1434), период угличского княжения и «двоевластия» (1434—1445), ослепление Василия Темного (1445—1446), княжение в Великом Новгороде (1447—1453) и трагическая гибель (1453).¹

Следует напомнить, что Дмитрий Юрьевич Шемяка был сыном Юрия Дмитриевича Галицкого (ум. в 1434 г.) и княгини Анастасии Юрьевны (ум. в 1422 г.), дочери смоленского князя Юрия Святославича. Источники умалчивают о том, когда родился князь Дмитрий. Известно, что он не был старшим ребенком в семье. Судя по всему, у Юрия Дмитриевича Галицкого было четыре сына: Иван, ставший иноком Игнатием и умерший в 1432 г. (о нем подробнее см. далее), Василий Косой, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный (Меньшой). Второй сын, Василий Юрьевич, был ослеплен в 1436 г., после чего прожил еще более десяти лет, но уже не принимал участия в политических событиях, а Дмитрий Юрьевич Красный умер 22 сентяб-

---

¹ В данной статье частично использованы материалы опубликованных работ, но они существенно переработаны и дополнены. См.: Бобров А. Г. 1) Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинкока Ефросина Белозерского : (Опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси : Кирилло-Белозерский монастырь / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2008. С. 94—172; 2) Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века // Летописи и хроники : Новые исследования. 2008 / Ред. О. Л. Новикова. М.; СПб., 2008. С. 124—151; 3) Упоминания русских князей XIV—XV веков в автографах Ефросина Белозерского // Книжные центры Древней Руси : Книжники и рукописи Кирилло—Белозерского монастыря / Редкол.: Н. В. Поньрко, С. А. Семячко. СПб., 2014. С. 155—172.

ря 1440 г.² Дмитрий Шемяка пережил всех своих братьев, но и он скончался, не дожив до преклонного возраста.

Согласно увлекательной гипотезе Г. В. Семенченко, старшим сыном Юрия Галицкого был неизвестный родословным книгам князь Иван Юрьевич.³ О нем говорится в завещании митрополита Фотия (около 1 июля 1431 г.). В этом документе, согласно Софийской второй и Львовской летописям, утверждалось, что Фотием дается прощение и благословение русским князьям, в том числе поименно: великому князю Василию Васильевичу, его матери великой княгине Софье Витовтовне, сыновьям Дмитрия Донского Андрею и Константину и, наконец, «благовѣрному князю Ивану Юрьевичю и его братьи».⁴ О смерти Ивана Юрьевича упоминает Типографская летопись под 1432 г.: «В лѣто 6940 преставися князь Иван Юрьевич в Галиче в великое говение в мнишеском чину, и положен бысть во церкви святого Спаса».⁵ Этот же князь, очевидно, упоминался Дмитрием Шемякой в конце 1440 г., когда он сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь «на поминок своему отцу, великому князю Юрию Дмитриевичу, и своей матери, и своей братьи, инока Игнатия и князя Дмитрия Юрьевича (Меньшого, Красного. — А. Б.), и всему нашему роду».⁶

Таким образом, согласно весьма правдоподобной и убедительно аргументированной гипотезе Г. В. Семенченко, старшим из сыновей Юрия Дмитриевича был Иван, упомянутый в завещании митрополита Фотия 1431 г. («благовѣрному князю Ивану Юрьевичю»), ставший монахом с именем Игнатий и на следующий год скончавшийся в Галиче. Исследователь предполагал, что к уходу Ивана Юрьевича в монастырь мог быть причастен его отец, «недовольный связями сына с Москвой», и задавался вопросом: «самая смерть этого князя была ли естественной?».⁷ В любом случае упоминание в Завещании Фотия 1431 г. «братьи» Ивана Юрьевича свидетельствует о том, что у последнего уже было более одного брата, следовательно, здесь косвенным образом имеется в виду и третий сын Юрия Дмитриевича — Дмитрий Шемяка.

Существует еще более ранняя, чем 1431 г., дата косвенного упоминания в источниках этого князя. В Описи архива Посольского приказа 1626 г. упомянут несохранившийся договор 6936 (1427/1428) г. между Василием Васи-

² Зимин А. А. Витязь на распутье : Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 32, 89, 131, 224.

³ Семенченко Г. В. Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. [Вып.] 22. С. 188—193.

⁴ ПСРЛ. М., 2001. Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. С. 60; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, перв. пол.: Львовская летопись. С. 236. Отсутствие князя Юрия Дмитриевича Галицкого в перечне митрополита Фотия, по мнению Г. В. Семенченко, следует объяснять умышленным или случайным пропуском в протографе Софийской второй и Львовской летописей. Согласно А. И. Плигузову, «переработанный вариант» завещания Фотия, где «опущено имя Юрия Дмитриевича», появился между ноябрем-декабрем 1430 г. и июнем 1431 г. и объясняется редактированием текста самим иерархом; отсутствие благословения Юрия Дмитриевича было связано с тем, что этот князь еще при жизни митрополита Фотия начал борьбу со своим племянником Василием Васильевичем за великое княжение (Плигузов А. И. О Духовной грамоте митрополита Фотия // Фотий, митрополит Киевский и всея Руси. Сочинения. Книга глаголемая Фотиос. М., 2005. С. 344—345).

⁵ ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. Пг., 1921. С. 132.

⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. 1. С. 120 (№ 164).

⁷ Семенченко Г. В. Неизвестный сын Юрия Галицкого... С. 193.

льевичем и «великим князем» Юрием Дмитриевичем с его сыном Дмитрием Меньшим.⁸ Следовательно, в это время Шемяка уже имел младшего брата, но сам наряду со старшими братьями не принял участия в заключении договора между отцом и Василием II.

Родился Дмитрий Юрьевич, естественно, задолго до даты своего первого прямого или косвенного упоминания в сохранившихся источниках, которые умалчивают не только о рождении князя, но и о его юных годах. Отец Шемяки Юрий Дмитриевич женился в 1400 г.; его мать княгиня Анастасия Юрьевна умерла в 1422 г.,⁹ причем Шемяка был третьим, предпоследним сыном князя Юрия. Следовательно, справедливым является утверждение В. Л. Янина, что «в год смерти (в 1453 г. — А. Б.) Дмитрию по чисто формальным данным было не меньше 31 и не больше 52 лет»,¹⁰ т. е. он мог родиться между 1402 и 1421 гг. Исследователь определил возраст Шемяки в год смерти «примерно в сорок пять лет, что соответствует наблюдениям Гинзбурга над мощами Софийского собора»; в таком случае следовало бы считать, что Дмитрий родился около 1408 г. На самом деле, однако, исследование останков Дмитрия Юрьевича, предпринятое известным антропологом В. В. Гинзбургом, позволило ему утверждать, что князь умер в возрасте не «примерно в сорок пять лет», как пишет В. Л. Янин, а приблизительно в сорок лет.¹¹ Поскольку это произошло в 1453 г., следовательно, Дмитрий Шемяка должен был родиться скорее около 1413 г., чем около 1408 г. Таким образом, к тому времени, когда на Руси разгорелась феодальная война за великое княжение, ему было около двадцати лет. Он еще не был женат.¹² Именно в это время князь Дмитрий Юрьевич Шемяка впервые появляется на страницах исторических источников как активно действующее лицо.

1. Дмитрий Шемяка в борьбе за Москву (1433—1434)

В воскресенье, 8 февраля 1433 г., князь Дмитрий Юрьевич Шемяка со своим старшим братом Василием Косым присутствовал на торжественном событии в Москве. Он пировал на свадьбе великого князя Василия Васильевича с княгиней Марией Ярославной.¹³ Один из бояр узнал на Василии Косом золотой

⁸ Описание архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 38—39.

⁹ См.: ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 229, 245.

¹⁰ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 106.

¹¹ Гинзбург В. В. О «мощах» из Софийского собора в Новгороде // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1940. Вып. 8. С. 86—88.

¹² О несостоявшемся браке Дмитрия Шемяки и дочери боярина Ивана Дмитриевича Всеволожа дважды говорится в разных статьях рукописи 1520-х гг. (БАН, Арх. Д. 193): в Медоварцевском летописце («...Иван Дмитриевич... егда бе с великим князем Василием в Орде (в 1432 г. — А. Б.), тогда де с князем Юрьем сватался дщерю своею за его сына», л. 458 об.) и в записи на полях, относящейся к родословной Всеволожей («...а у Ивана сынов не было, были две дщери, сватана была князем Юрьем за Шемяку...», л. 393). См.: Лурье Я. С. Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1977 г. М., 1977. С. 10—11.

¹³ Характерно, что отсутствовали по каким-то причинам Юрий Дмитриевич и младший из его сыновей, Дмитрий Красный (Меньшой): вновь, как и в несохранившемся договоре 1427/1428 г., отец и младший сын оказались вместе противопоставлены старшим сыновьям.

пояс, якобы принадлежавший Дмитрию Донскому и некогда подмененный последним московским тысяцким Василием Вельяминовым. Далее Василий передал пояс своему сыну Микуле, а тот в свою очередь своему зятю Ивану Дмитриевичу Всеволожу. Василий Косой, женатый на внучке последнего, якобы и оказался владельцем вещи, принадлежавшей Дмитрию Донскому. Мать великого князя Софья Витовтовна прилюдно сорвала пояс с Василия Косого, после чего братья, «роззлотившись», покинули свадьбу и отправились в Галич к отцу. По мнению Е. В. Анисимова, «скорее всего, это была провокация со стороны Софьи, ибо не ясно, каким же образом ее приближенный 65 лет спустя после свадьбы Дмитрия Донского вдруг „узнал“ так и не доставшийся Донскому драгоценный пояс. Ведь до Василия Косого его должны были носить и Микула, и некогда близкий Софье Иван Всеволожский — такие пояса в торжественные дни по сундукам не прячут».¹⁴ Пояс считался в средние века не только символом власти, упоминаемым в княжеских завещаниях, но и магическим объектом,¹⁵ а свадебный пир — сакральным событием, поэтому нет ничего удивительного в том, что эти обстоятельства развязали войну — феодальную междоусобицу, продолжавшуюся с перерывами около трех десятилетий.

На поле брани несомненное преимущество над Василием II имели князь Юрий Дмитриевич и его сыновья. Первое сражение завершилось их победой на реке Клязьме 25 апреля 1433 г. После поражения Василия Васильевича великокняжеский стол получил его дядя, Юрий Дмитриевич («Князь же Юрь съдь на Москвъ»¹⁶). Благодаря заступничеству фаворита («любовника») Юрия Дмитриевича боярина Семена Федоровича Морозова, Василий II получил в удел Коломну, где стали собираться его сторонники. Согласно Ермолинской летописи, старшие братья — Василий Косой и Дмитрий Шемяка — убили Семена Морозова «в набережных сенях» кремлевского дворца, сказав: «Ты учинил ту беду отцу нашему и нам; издавна еси коромолник, а наш лиходеи, не дашь нам у отца нашего жити».¹⁷ Из этого текста ясно, что вина за разногласия между отцом и его старшими сыновьями возлагалась на человека, посоветовавшего дать потерпевшему поражение Василию Васильевичу свой коломенский удел. Такое решение братья Юрьевичи называют «бедой», поскольку в Коломну стали стекаться все противники Юрия Дмитриевича. Получается, вопреки мнению С. Б. Веселовского,¹⁸ что старшие братья придерживались не «промосковской», а, наоборот, более решительной и жесткой по отношению к Василию Васильевичу позиции, чем их отец (и, очевидно, следовавший его политике младший брат Дмитрий Красный).

После убийства боярина Семена Морозова отношения между отцом и старшими сыновьями вновь были разорваны. Братья «отъехали» на Кострому, а Юрий Дмитриевич добровольно передал великое княжение Василию II и уехал в свой удел. Летом 1433 г. был заключен договор между великим кня-

¹⁴ Анисимов Е. Письмо турецкому султану : Образы России глазами историка. СПб., 2013. С. 68—69.

¹⁵ См., например: Байбурин А. К. Пояс : (К семантике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 5—13; Левкиевская Е. Е. Славянский оберег : Семантика и структура. М., 2002. С. 31—35; Анисимов Е. Письмо турецкому султану. С. 68 и др.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 147.

¹⁷ Там же. С. 147.

¹⁸ Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 340—344.

зем Василием Васильевичем с союзными князьями и Юрием Дмитриевичем с Дмитрием Красным, согласно которому галицкий князь и его младший сын обязались «не приимати» Василия Косого и Дмитрия Шемяку (по-прежнему верный отцу Дмитрий Красный получил в удел Бежецкий Верх).

Но военное преимущество вновь было на стороне Юрьевичей. 28 сентября 1433 г. в битве на реке Куси старшие сыновья князя Юрия, Василий Косой и Дмитрий Шемяка, вторично разбили великокняжеское войско. Сам Юрий Дмитриевич, однако, тогда отказался «взяти княжение под Васильем Васильевичем».¹⁹ Лишь после того как Василий II совершил «через мирную руку и правду»²⁰ поход на Галич и князь Юрий вместе с детьми в третий раз разбил великого князя в битве 20 марта 1434 г. у св. Николы на горе в Ростовской земле, он наконец 31 марта 1434 г. победоносно вошел в Москву («на Святой недѣли городъ ему отворили в среду»²¹).

Василий Васильевич, не найдя поддержки на Руси, уже было «въсхоте поити в Орду», но 5 июня 1434 г. Юрий Дмитриевич внезапно умер. После почти одновременной смерти двух сыновей Дмитрия Донского — великого князя Юрия Дмитриевича и угличского князя Константина Дмитриевича (9 мая 1434 г.), при активной помощи Дмитрия Юрьевича Шемяки великим князем вновь стал сын Василия Дмитриевича — Василий II. Бывшие до сих пор союзниками, Василий Косой и Дмитрий Шемяка теперь оказались в разных лагерях. В отличие от старшего брата Дмитрий Шемяка поддержал Василия II, и в благодарность за это летом 1434 г. был пожалован «вymорочным» после смерти Константина Дмитриевича Угличским княжеством. С этого времени начался период его угличского княжения.

2. Угличское княжение Дмитрия Шемяки (1434—1445)

Старший брат Дмитрия, Василий Юрьевич Косой, продолжал упорно бороться за принадлежавшее их отцу великое княжение «на Москве», однако без помощи Шемяки он уже не имел столь явного преимущества на поле брани. Потерпев поражение в битве на реке Которосли 6 января 1435 г., он направился через Кашин и Вологду в Заозерье (за Белым озером), где победил князя Дмитрия Васильевича Заозерского и взял в плен его мать и семью. После непродолжительного мира Василий Косой захватил Галич и 1 января 1436 г. осадил Устюг, который пал после девятидневной осады.²²

В то самое время, когда Василий Косой сражался на Русском Севере, Дмитрий Шемяка приехал зимой 1436 г. в Москву. Он собирался пригласить великого князя Василия Васильевича в свою новую столицу Углич на свадьбу с дочерью князя Дмитрия Васильевича Заозерского Софьей, однако был внезапно арестован и сослан в Коломну. В ответ на это двор Шемяки («княжи Дмитреевы братни дворяне 500 человек»²³) во главе с воеводой

¹⁹ ПСРЛ. Т. 24. С. 182.

²⁰ Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 42.

²¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 148.

²² Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 74; Кузьмин А. В., Флоря Б. Н. Дмитрий Васильевич // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 109—110.

²³ ПСРЛ. Т. 23. С. 149.

Акинфом Волынским присоединился к Василию Косому, но в решающей битве 14 мая 1436 г. на реке Черехе в Ростовской земле победу одержал Василий II; его противник был захвачен в плен. Спустя неделю, 21 мая 1436 г., он был ослеплен.²⁴ Победив Василия Косого, великий князь послал за Шемякой в Коломну и «пожаловал» его (очевидно, освободил). К началу лета 1436 г. свадьба угличского князя с Софьей Дмитриевной уже состоялась, поскольку в «докончании» 13 июня этого года Дмитрий Юрьевич уже упоминает своего «тестя».²⁵

После заключения «докончания» между Василием Васильевичем и Дмитрием Юрьевичем 13 июня 1436 г. наступил долгожданный мир. Он продолжался около десяти лет с одним небольшим перерывом, продолжавшимся менее года. Осенью 1441 г. Василий II внезапно пошел войной на столицу Шемяки Углич. Об этом, «восполняя пробел в великокняжеском летописании», сообщают только восходящие к общему протографу Ермолинская летопись и Сокращенные своды конца XV в.²⁶ Возможно, корни нового конфликта между Василием Васильевичем и его двоюродным братом Дмитрием Шемякой кроются в том, что Василий II после смерти младшего брата Шемяки, Дмитрия Юрьевича Красного, захватил его удел, который должен был бы отойти к Шемяке.²⁷ Великокняжеский дьяк Кулудар Владимирович Ирежский предупредил Дмитрия Шемяку об опасности, и тот заблаговременно отступил в Бежецкий Верх, за что великий князь велел изменника «кнутьем бити, по станом вода, да и дьячество отнял у него».²⁸

Уже в следующем, 1442 г., Дмитрий Шемяка вновь находится в своей столице — Угличе. Более того, у него появился новый союзник — князь Александр Васильевич Чарторыйский, лишенный Василием II своего суздальского княжения. Летом 1442 г. союзные князья двинули свои войска на Москву, но под Троице-Сергиевой лаврой игумен Зиновий примирил их с великим князем. Об этих событиях, как отметил Я. С. Лурье, также умолчало официальное великокняжеское летописание, но «сообщил северный (кирилло-белозерский) свод, отразившийся в Ерм.—СС» (т. е. в Ермолинской летописи и в Сокращенных сводах конца XV в.).²⁹

За исключением короткого периода с осени 1441 г. до лета 1442 г., в целом десятилетие после поражения Василия Косого (1436—1445) было

²⁴ Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 76—77.

²⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 89—100 (№ 35). О Софье Дмитриевне, жене Дмитрия Шемяки, известно немного. Она была дочерью побежденного в 1435 г. Василием Косым князя Дмитрия Васильевича Заозерского, который был дядей последнего ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого. Ее брат, князь Андрей Дмитриевич, принял монашеский постриг в Спасо-Каменном монастыре и стал известен как преп. Иоасаф Каменский (см.: *Семячко С. А. Иоасаф // Православная энциклопедия*. М., 2010. Т. 25. С. 166—171).

²⁶ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века : Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 82.

²⁷ Смирнов П. П. Древний Галич и его важнейшие памятники // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1948. Т. 9, вып. 1. С. 98; Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 243.

²⁸ Как отметил Ю. Г. Алексеев, «после такого бесчестья Кулудар на службе великого князя оставаться не мог и, как и следовало ожидать, окончательно перешел в стан его врагов» (*Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства : Очерки развития аппарата управления XIV—XV вв.* СПб., 1998. С. 159).

²⁹ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. С. 89.

мирным. Именно к этому времени Я. С. Лурье относил так называемые «двуименные» монеты Василия II и Дмитрия Шемяки, содержащие надписи «князя великого Василия» и «князя великого Дмитрия». Так как под 1437 г. оба они были одновременно названы в летописи «великими князьями», исследователь пришел к убедительному выводу, что между 1436 и 1445 гг. на Руси было своего рода «двоевластие».³⁰ Столица одного «великого князя», Василия II, находилась в Москве, а другого «великого князя», Дмитрия Шемяки, — в Угличе.

К этому же отрезку времени относится известная «Шемякина плащаница» — церковная пелена, «воздух», являющийся вкладом в Юрьев монастырь князя Дмитрия Юрьевича, его жены Софьи и сына Ивана. Шитая золотом вкладная запись на этой плащанице (сделанная в XIX в., но, безусловно, в целом повторяющая содержание древней утраченной надписи) гласит следующее: «В лѣто 6957 индикта 7, какъ былъ велики князь Дмитрии Юриевичъ в Великом Новѣгородѣ, и повелением великаго князя наряжен бысть сии воздухъ въ храмъ святаго великомученика Георгия того же лѣта месяца августа въ 23 день благоверною и его великою княгиню Софьею и при сыну благоверной (так! — А. Б.) князь Иванѣ. И положень бы[сть] въ церкви святаго великомученика Христова Георгия в Великом Новѣгородѣ в Юриевѣ монастырѣ при архиепискупе велико Новагорода Евфимии, при архимандритѣ Мисаилѣ, за оставление греховъ и спасения ради душъ наши и наши детѣи, и внучатом, и правнучатам, в семь вѣцѣ и в будущем. Аминь».³¹

В дате Шемякиной плащаницы присутствует явная ошибка, вызванная ее неверным прочтением при поновлении в XIX в.: 6957 году соответствует не 7-й, а 12-й индикт. Следует согласиться с утверждением В. Л. Янина, что «дата Шемякиной плащаницы неверна в той ее части, которая обозначена годовым числом». Вместо «6957» (1449) г., по В. Л. Янину, в соответствии с показанием индикта, следует читать «6952» (1444) г.³² Действительно, палеографически намного легче допустить смешение «з» («7») и «в» («2»), чем предположить ошибочное прочтение двузначного числа как однозначного. Заметим также в подтверждение точки зрения В. Л. Янина, что указанное в записи на плащанице 23 августа именно в 1444 г. выпадало на воскресенье, вполне подходящий день для торжественного вклада плащаницы в обитель. В то же время невозможно принять другой вывод исследователя, заключающийся в том, что «в 1444 г. Шемяка находился в Новгороде как гость, просивший и получивший временное убежище». В. Л. Янин полагает, что шитая легенда плащаницы с именованьем его «великим князем» появилась позже, в 1446—1456 гг.³³ Такое допущение совершенно необязательно, поскольку в 1444 г. Шемяка явно не нуждался во «временном убежище». В это время он был одним из двух «великих князей», что подтверждают и летописи, и «двуименные» монеты. Скорее всего, князь Дмитрий Юрьевич с семьей

³⁰ Лурье Я. С. Двуименные монеты Василия II и Шемяки и двоевластие в Москве // Средневековая Русь. М., 1986. С. 84—88.

³¹ Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. М., 1971. С. 43 (Археология СССР. Свод археологических источников. Е1-49).

³² См.: Янин В. Л. Дата Шемякиной плащаницы // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 330—336.

³³ Там же. С. 334—335.

в августе 1444 г. посетил Великий Новгород как один из двух «великих князей» — соправителей Руси.

Признание Дмитрия Шемяки «великим князем» в Новгороде в определенном смысле подводило итог феодальной войны. Между двумя внуками Дмитрия Донского — Василием Васильевичем и Дмитрием Юрьевичем — установилось временное равновесие.

3. Ослепление Василия Темного (1445—1446)

Ситуация резко изменилась 7 июля 1445 г. В этот день Василий II потерпел поражение от татар под Суздалем и был захвачен в плен, а через неделю пожар уничтожил всю Москву. Единственным великим князем «всей Руси» на время пленения Василия II остался Дмитрий Шемяка. Пообещав за себя огромный выкуп, Василий Васильевич 1 октября 1445 г. был отпущен на Русь с большим татарским отрядом для сбора денег; узнав об этом, Шемяка вернулся в Углич. Позже он переехал в Рузу, ставшую на время центром складывающейся анти-великокняжеской коалиции. В нее входили кроме самого Шемяки князь Иван Андреевич Можайский, Борис Александрович Тверской, многие из московских бояр, гостей и старцев Троице-Сергиева монастыря.³⁴ 12 февраля 1446 г. войска союзных князей взяли Москву, а в ночь с 13 на 14 февраля Василий II был захвачен в Троицком монастыре, привезен в Москву и ослеплен.

Хрестоматийным считается факт, что именно Дмитрий Шемяка ослепил своего двоюродного брата Василия Темного. Пожалуй, репутация Дмитрия Юрьевича в наибольшей степени пострадала в связи с этим предполагаемым преступлением, хотя сам Василий Васильевич ранее ослепил его старшего брата — Василия Косого, а также боярина Ивана Дмитриевича Всеволожа. Следует отметить, однако, что не все древнерусские произведения возлагают ответственность за ослепление московского князя на Дмитрия Шемяку. Безусловно, так излагаются события в подавляющем большинстве источников, причем не только в официальном великокняжеском летописании. Об этом говорится, например, в псковских («князь великий Дмитрие Юриевич Шемяка повелѣ его слѣпити»³⁵) и в западнорусских летописях («Князь Дмитрие Юрьевич Шемяка изымаша брата своего старшего, князя великого московского Василия Васильевича, и выимаша ему очи, а сама сяде на великом княжени на Москве»³⁶). Новгородский летописец возлагает ответственность сразу на трех князей, но и он первым среди них называет Шемяку: «Сдумавше 3 князя: князь Дмитрие Юрьевич, князь Иванъ Андрѣевич Можайский, князь великий Тферский Борисъ Александрович, изымаша князя великого Василия Васильевича Московского, ослѣпиша его...».³⁷ Тверской автор не пишет об участии в заговоре своего князя, но инициатором ослепления также

³⁴ Как отметил А. А. Зимин, «широкая оппозиция Василию II питалась в первую очередь тревогой за судьбу страны, ибо великий князь „навел“ на Русь татар, и чем это могло кончиться, никто не знал» (Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 109).

³⁵ Псковские летописи. Вып. 1. С. 47—48.

³⁶ ПСРЛ. Т. 35: Летописи Белорусско-Литовские. М., 1980. С. 61, ср. с. 79, 110.

³⁷ ПСРЛ. Т. 4, вып. 2: Новгородская четвертая летопись. Л., 1925. С. 443; ср.: Там же. Л., 1929. Т. 4, вып. 3. С. 608.

изображает Дмитрия Шемяку: «Князь же Дмитрей ... посла тамо брата своего, князя Ивана, и повели его изымати ... Князь же Дмитрей ... изымавъ великого князя Василиа без вины, и приведе его на Москву, и ослепи».³⁸ В Львовской летописи также особенно подчеркивается роль Дмитрия Юрьевича: он и Иван Андреевич Можайский «совѣтъ сотворивше изгонити великаго князя, а самому състи на великомъ княжение» (единственное число местоимения «самому» может в данном случае относиться только к Шемяке), запертые врата монастыря отворяются его именем (якобы «князь Дмитрей Юрьевичъ приехал»). Далее во фразе «А князя великаго послалъ имати къ Троици въ Сергиевъ манастырь брата своего князя Ивана Можайскаго» отсутствует подлежащее, но очевидно, что послать в Троице-Сергиев монастырь князя Ивана Можайского мог только великий князь Дмитрий Юрьевич. Наконец, летописец отметил, что арестованного князя «посадиша на дворѣ на княже Дмитреевѣ древянемъ. В третии же день повелѣ (и здесь явно подразумевается Дмитрий Шемяка. — А. Б.) ему очи выняти».³⁹ Наконец, великокняжеское летописание возлагает вину за ослепление Василия Темного в первую очередь на Шемяку.⁴⁰ Здесь содержится летописная повесть «О великого князя поимании... у Троицы в Сергееве монастыре», которая, по мнению М. Д. Приселкова, может считаться записью рассказа самого Василия II в последние годы его жизни.⁴¹

Только одна летопись, вопреки всем другим источникам, излагает события таким образом, что ответственность за ослепление Василия II возлагается не на Дмитрия Шемяку, а на князя Ивана Андреевича Можайского. Это восходящая к Кирилло-Белозерскому своду 1472 г. Ермолинская летопись: «Князь Иванъ Андрѣевичъ погонилъ за великимъ княземъ к Троици, и тамо поймавъ его, и приведе на Москву, и, здумавше, ослѣпиша его, мѣсяца февраля 13».⁴² Здесь говорится о том, что и захват Василия Васильевича в Троице-Сергиевом монастыре, и само его ослепление — дело рук не Дмитрия Шемяки, а другого князя, его союзника — Ивана Можайского. Очевидно, в этой формулировке проявилась особая позиция летописца, пытавшегося оправдать князя Дмитрия Юрьевича Шемяку. Разумеется, мы не знаем, какая точка зрения в большей степени соответствует истине; можно лишь констатировать, что в древнерусских летописях существуют два взгляда на то, кем именно был ослеплен Василий Темный.

После ослепления князь Василий был доставлен в столицу Шемяки Углич. Созвав церковный собор («епископы и архимандриты со всею землей и честныя игумены и прозвители»), Дмитрий Шемяка добился примирения сторон. Василий Темный, «во всем вину сам на ся возлагая», покался перед Шемякой

³⁸ Инока Фомы «Слово похвальное» // БЛДР. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб., 1997. С. 112—114.

³⁹ ПСРЛ. Т. 20, перв. пол. С. 259—260.

⁴⁰ См., например: ПСРЛ. Т. 25. С. 264—266.

⁴¹ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 172. Об ослеплении Василия Темного Дмитрием Шемякой также прямо говорится в Житии Мартиниана Белозерского: «Позавидѣвъ того државы, якоже нѣкый другый Кайнъ братоубийца, князь Дмитрей Шемяка, собрався со многими людьми, шедъ вослѣдъ его в Сергиев монастырь, поймавъ того великаго князя Василия Васильевича и без милости над нимъ сотвори в 3-й день изъять обѣ очи его» (Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец / Подгот. текстов, пер., исслед. Е. Э. Шевченко. СПб., 2014. С. 234).

⁴² ПСРЛ. Т. 23. С. 152.

и перед всем «христианством», «евоже изгубих и еще изгубити хотел есми до конца». 15 сентября 1446 г. Василий дал крестное целование и «проклятые грамоты», очевидно содержавшие обязательство прекратить борьбу за великое княжение (эти документы, как и многие другие, до нас не дошли).⁴³

Ослепленный князь Василий Васильевич был отпущен Шемякой на княжение в Вологду. На протяжении почти всего 1446 г. (с 12 февраля по 25 декабря) Москва была в руках Дмитрия Шемяки и его союзника Ивана Можайского. Дмитрий Юрьевич поступил точно так же, как ранее его отец, в 1433 г. опрометчиво давший потерпевшему поражение в сражении на Клязьме Василию II Коломенское княжение. Результат оказался аналогичным. Василий Темный из Вологды отправился в Кирилло-Белозерский монастырь, игумен которого Трифон «с братиею» снял с него крестное целование.⁴⁴ Вернувшись на путь военных действий, Василий Темный заручился союзом с другим великим князем — Борисом Тверским. Он обручил своего малолетнего сына, будущего Ивана III, с его дочерью Марией. На Рождество 1446 г. Москва вновь перешла в руки ослепленного великого князя, а московские и тверские войска осадили Шемякину столицу — Углич, который пал после недельной осады и артиллерийского обстрела. Капитуляция Углича в конце 1446 г. ознаменовала полную победу Василия Темного. 17 февраля 1447 г., через год после своего ослепления, он сам наконец вернулся в «стольный град» Москву.⁴⁵ Дмитрий Шемяка с семьей был вынужден укрыться в Галиче. Более чем двенадцатилетний период угличского княжения Дмитрия Юрьевича Шемяки был закончен.

Вскоре начался новый, новгородский период его жизни, оказавшийся последним. После падения Углича жена Шемяки Софья, сын Иван и дочь Мария некоторое время находились в Галиче. Новая ситуация заставила Дмитрия Юрьевича искать более безопасное место, и он обратился к новгородцам, чтобы они приняли его семью. В ответ на эту просьбу осенью 1447 г. семья Дмитрия Шемяки была принята новгородцами и поселилась в Юрьевом монастыре. В конце января 1450 г. великокняжеские войска взяли последний оплот Шемяки — Галич, после чего и сам Дмитрий Юрьевич бежал к семье, окончательно поселившись в Новгороде. Поскольку новгородцы признавали Шемяку «великим князем» (см. выше, о надписи на плащанице 1444 г.), сложилась весьма необычная коллизия: великокняжеская резиденция оказалась

⁴³ В руки Дмитрия Юрьевича Шемяки в это время попали не только dokonчания и «проклятые грамоты» Василия II, но и великокняжеская казна в целом, содержавшая прежние «грамоты dokonчальные, и ярлыки, и дефтери, и иные какие грамоты»: в июле 1447 г. Дмитрий Шемяка и Иван Можайский обязуются вернуть их великому князю «по целованию» (Духовные и договорные грамоты... С. 141 (№ 46)). Спустя полгода, в декабре 1447 г., в Соборном послании русских иерархов князю Дмитрию Юрьевичу вновь говорится, что Шемяка «ялся еси брату своему старейшему великому князю отдавати ярлыки и dokonчальные грамоты, и дефтери, и иные какие грамоты» и «не отдал еси» (Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 1. М., 1986. С. 111 (№ 19)). Судьба великокняжеской казны продолжала беспокоить Москву и после смерти Шемяки, в середине 1450-х гг. (см.: *Бобров А. Г.* Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича... С. 117—118).

⁴⁴ В результате событий 1446 г. крестное целование как социальный институт было разрушено. Не стоит даже говорить о правомерности этого действия с точки зрения церковных законов — в истории русской церкви еще будут более очевидные ситуации, когда незабываемые правила будут попирались во имя «нынешнаго (...) временнаго устроения и тишины» (Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 1. С. 159).

⁴⁵ *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 122.

в Новгородской республике. Каким образом удалось согласовать интересы сторон, свидетельствует современное описываемым событиям летописание Великого Новгорода.

4. Княжение Дмитрия Шемяки в Новгороде (1447—1453)

1) Евфимий II и Дмитрий Шемяка: Совместное летописание

На протяжении ровно трети тысячелетия, 333 года, новгородское летописание было «владычным», т. е. велось при кафедре новгородского епископа (впоследствии архиепископа). Ведение летописи, как было установлено Д. С. Лихачевым, перешло из рук князя в руки новгородского владыки около 1136 г.,⁴⁶ а последняя запись архиепископского летописца датируется 1469 г.⁴⁷ Отражение владычного официального летописания обнаруживается в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов (до 1428 г.) и в двух редакциях Новгородской четвертой летописи (до 1446 г.). Наконец, самый последний период с 1447 до 1469 г. представлен единственным Виленским списком «Летописи Авраамки» (далее — ЛА).⁴⁸

Весь текст ЛА, от известия о закладке церкви Богоявления (6955/1447) до пожара на Щеркове улице (6977/1469), не находит соответствия в других памятниках⁴⁹ и содержит единственную полную версию официального новгородского летописания почти за четверть века.⁵⁰ Эта последняя часть текста ЛА за 1447—1469 гг. безусловно создавалась накануне падения новгородской независимости в кругах, близких к двум новгородским архиепископам — Евфимию II Вяжищскому (умер 10 марта 1458 г.) и Ионе Отенскому (с 19 марта 1458 г.). Для нее характерно, как отметил А. А. Шахматов, описание «только тех событий, в которых то или иное участие принимал новгородский владыка».⁵¹

⁴⁶ Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 240—265. См. также: Бобров А. Г. Д. С. Лихачев как исследователь новгородских летописей: (Диссертация «Новгородские летописные своды XII века») // ТОДРЛ. СПб., 2010. Т. 61. С. 128—141.

⁴⁷ Начиная с 1470 г. и до конца республики летописание, судя по всему, находилось в ведении магистрата (Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 238—239).

⁴⁸ БАН Литвы, F 22—49; Изд.: ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889 (переизд.: М., 2000); Лурье Я. С. Авраамка // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 5—6; Бобров А. Г. Летопись Авраамки // Великий Новгород: История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 267—268. Начальная часть текста ЛА (до 1308 г. включительно), как установлено исследователями, основана на Новгородской 4-й летописи; после чего ЛА вплоть до известия 6954/1446 г. о дороговизне ржи в Новгороде близка к Новгородской 5-й летописи, но поскольку текст последней завершается этим известием, А. А. Шахматов предположил, что далее создатель ЛА вновь «приступил к списыванию Новгородской 4-й летописи» вплоть до известия 6955/1447 г. «о прибытии в Новгород псковских послов и о заключении мира по старине» (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 239). Далее текст ЛА уникален.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 190—224.

⁵⁰ В сокращенном виде этот текст был впоследствии использован при создании протографа Строевского и Синодального списков Новгородской четвертой летописи, доводящих повествование до 1476 г. (Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 231—232).

⁵¹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов. С. 239.

Первые издатели ЛА датировали весь список летописи по записи смоленского книжника Авраамки, относящейся к 1495 г.⁵² Сравнительно недавно было установлено, что эта точка зрения ошибочна. В научном описании рукописи, принадлежащем коллективу авторов и опубликованном в 1997 г., впервые было показано, что почерк книжника Авраамки начинается только с л. 436, а вся древнейшая часть рукописи (л. 1—435 об.) датируется по филиграням не 1495 г., а концом 1460-х—началом 1470-х гг.⁵³ Высказывалось предположение, что, поскольку летописный текст доведен до 1469 г., перед нами, возможно, оригинал ЛА.⁵⁴ Во всяком случае столь ранняя датировка списка позволяет считать дошедшую до нас рукопись если не самим оригиналом, то его непосредственной копией, очень близкой к нему по времени создания. Таким образом, историко-литературное значение ЛА определяется двумя факторами: наличием в ней уникального текста, отражающего новгородский взгляд на события русской истории середины XV в., а также весьма необычной для русского летописания синхронностью создания этого текста и дошедшей до нас рукописи.

Для понимания особенностей владычной летописи, дошедшей до нас в составе ЛА, существенное значение имеет анализ точных дат в ее тексте (под «точной датой» мы понимаем календарную информацию летописи, позволяющую установить конкретный день, к которому приурочено описываемое событие). Подсчет точных дат на протяжении текста ЛА за все описанные годы русской истории дает интересные результаты.⁵⁵ Всего в ЛА на протяжении 611 лет упомянуто 292 точные даты (в среднем — 0.48 точной даты за год), в том числе: за 859—1308 гг. — 39 точных дат за 450 лет (0.09 точной даты за год); за 1309—1446 гг. — 157 точных дат за 138 лет (1.14 точной даты за год); за 1447—1469 гг. — 96 точных дат за 23 года (4.17 точной даты за год). Точные даты внутри последнего периода также распределяются крайне неравномерно. Если за период 1447—1457 гг. мы имеем всего 20 точных дат (1.8 точной даты за год), причем более половины из них обнаруживается в составе одного рассказа о походе Василия Темного на Новгородскую республику в январе—феврале 1456 г., то последние годы (1458—1469) разительно выделяются на фоне как всего текста ЛА, так и непосредственно предшествующего периода. Летописные статьи заключительной части ЛА буквально пестрят точными календарными указаниями: встречается 76 таких дат за 12 лет, т. е. по 6.3 точной даты за год. Естественно, по мере приближения к современности количество точных дат описываемых событий должно возрастать, но все же этот рост представляется весьма значительным, особенно на фоне предыдущего десятилетия, близкого к средним показателям за последние полтора столетия.

Еще более существенно, что во второй части владычного летописца за 1458—1469 гг. (на фоне его первой части за период 1447—1457 гг.) заметно

⁵² ПСРЛ. Т. 16. С. 2—3.

⁵³ Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А. Кириллические рукописные книги XV—XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // *Krakowsko-Wileńskie Studia slawistyczne*. Kraków, 1997 (Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim). Т. 2. S. 75—79. Позже, в 2000 г., Б. М. Клосс представил этот вывод как собственное открытие (*Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000. С. V—VII).

⁵⁴ *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 230.

⁵⁵ См. подробнее: *Бобров А. Г.* Летописец новгородского владыки Евфимия... С. 124—151.

изменяется не только количество, но и характер употребления точных дат. Между двумя частями текста владычной летописи обнаруживаются важные отличия. В известиях 1447—1457 гг. почти всегда (в 95% случаев!) указывались дни недели, в которые происходили описываемые события, а в тексте за 1458—1469 гг. это делалось существенно реже (только в 11.8% случаев), да и то главным образом отмечалась приуроченность событий к воскресному дню. Если в первой части преимущественно указывалась датировка по подвижным праздникам (в 65% случаев) и значительно реже — по неподвижным (только в 10% случаев), то во второй, наоборот, редко упоминались подвижные праздники (только в 15.8% случаев) и значительно чаще — неподвижные (в 56.6% случаев). Иначе говоря, в ЛА за 1447—1457 гг. использовалась преимущественно датировка по лунному календарю, а в части за 1458—1469 гг. — по солнечному. Уточнение времени описываемых событий в первой части производилось исключительно описательно (*порану, по обеде, на ночь*) и никогда не указывался «час», а во второй части наряду с традиционным способом (*ночь, полночь, время литургии*) неоднократно (9 раз, т. е. в 11.8% случаев) используются достаточно редкие в летописании указания на точный час происходивших событий. Граница между двумя вариантами как количественных, так и качественных характеристик упоминания в летописи точных дат находит соответствие в смене новгородских архиепископов в марте 1458 г.: 10 марта умер Евфимий II, а 19 марта был избран его преемник Иона. Это наблюдение приводит нас к выводу, что дошедший до нас уникальный фрагмент владычного летописания за 1447—1469 гг. создавался двумя авторами, один из которых работал при владычестве архиепископа Евфимия II (ему принадлежит текст до конца годовой статьи 6965/1457 г.), а второй — с 6866/1458 г. до конца текста — при архиепископе Ионе. Одного из этих авторов мы условно называем «летописец Евфимия», а другого — «летописец Ионы».⁵⁶

Часть сохранившейся в Виленском списке ЛА владычной летописи, относящаяся к 1447—1457 гг., т. е. к последнему периоду деятельности архиепископа Евфимия II, для нас особенно важна в контексте данного исследования, поскольку на протяжении первой половины этого десятилетия великий князь Дмитрий Шемяка жил в Новгороде.

Что же представляла собой новгородская летопись, которая велась в это время? Можно утверждать, что она несомненно была «владычной». Летописец за 6955/1447—6965/1457 гг. неоднократно подчеркивал роль в описываемых событиях архиепископа Евфимия II. Он упоминается на протяжении сравнительно небольшого текста семнадцать раз.⁵⁷ При этом

⁵⁶ Это предположение впервые высказывалось нами уже в монографии 2001 г., где было предложено обратить особое внимание на некоторую неоднородность заключительной части ЛА, поскольку начиная с 1458 г. текст «становится более литературно отделанным; в нем появляется значительно больше точных дат», и задуматься «о возможном участии в его создании Пахомия Сербя, вернувшегося в Новгород в 1458 г. и служившего своим пером архиепископу Ионе» (Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 233).

⁵⁷ Евфимий закладывает каменную церковь Богоявления (6955) и каменные укрепления города Яма (6956); посол Дмитрия Шемяки направляется «къ архиепископу владыце Еуфимию и въ Новьгородъ», и владыка принимает жену и сына князя (6957); он укрепляет новгородский Детинец и строит «часозвонъ» (6958); ставит «чашницу камену и молодечкую» (6959) и возобновляет их после падения (6960); велит рушить каменную церковь Иоанна Предтечи на

обращает на себя внимание то обстоятельство, что точные даты событий, связанных с владыкой, приведены летописцем лишь при описании работ в церкви Иоанна Предтечи на Торгу (6961/1453) и отношений с князьями во время войны 6964/1456 г. Подавляющее большинство точных дат летописец владыки Евфимия II приводит при описании не церковных, а «мирских» политических событий: военных столкновений, дипломатических переговоров, происшествий в княжеском доме. Из 20 точных дат 17 (85%) напрямую относятся к событиям такого рода.⁵⁸ Только три известия из 20, имеющих точную дату, казалось бы, относятся исключительно к церковным делам (пожар в Юрьевом монастыре — под 6959/1451 г., разрушение и восстановление церкви Иоанна Предтечи на Торгу — обе под 6961/1453 г.). Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что и они непосредственно связаны с княжеской историей.

Пожар в Юрьевом монастыре упомянут сразу после точно датированного известия о том, что князь Дмитрий «поѣха» из Новгорода 21 марта 1451 г., «а княгиню свою оставивъ в Великомъ Новѣгородѣ и сына Ивана». Из предшествующего текста ЛА известно, что Дмитрий Юрьевич, потеряв Углич на Рождество 1446 г., обратился к новгородцам с просьбой принять «княгиню и сына Ивана».⁵⁹ В ответ на эту просьбу, «архиепископъ владыка Еуфимии и Великыи Новѣгородъ прияша княгиню великую Софью и сына Ивана в честь, и въѣха в осенинѣ въ Юрьевъ манастырь, а самъ князь великыи Дмитрии Юрьевичъ, въ Великомъ Новѣгородѣ не бывъ, пошедъ Галицію».⁶⁰ Таким образом, семья Шемяки находилась в Юрьевом монастыре, поэтому описание пожара в нем может быть также отнесено к событиям, прямо касающимся княжеского дома. Более того, летописец Евфимия проявляет необыкновенно точное знание деталей юрьевской топографии и времени начала пожара: «Тои весны погорѣ Юрьевъ манастырь весь, отъ Спаса да отъ сѣней отъ домовныхъ къ Рожеству Христову по ручеи; а загорѣся назавтрѣ Радуничъ, в среду на ночь».⁶¹ Кроме того, он указывает место захоронения («у святого Георгия въ притвори») и точную дату похорон в Юрьевом монастыре Марии, дочери Дмитрия Шемяки и княгини Софьи

Торгу, а после восстановления освящает ее (6961); велит расписать ту же церковь и построить деревянную церковь Алексея, человека Божия (6963); едет на мирные переговоры с великим князем и заключает с ним мир, принимает в Новгороде его сына Юрия и велит отлить для Софийского собора два колокола (6964); его повелением строится каменная церковь Иоанна Богослова в Вяжищском монастыре и деревянная церковь Иоанна Златоуста в Лисицком монастыре (6965) (см.: ПСРЛ. Т. 16. Стб. 190—197).

⁵⁸ Приход войска новгородцев с князем Александром к р. Нарове, сражение с «немцами» на р. Нарове, возвращение войска с р. Наровы — 6955 г.; приезд в Новгород князя Дмитрия Шемяки — 6957 г.; отъезд его из Новгорода — 6959 г.; смерть князя Дмитрия Шемяки — 6961 г.; выход в поход князя Василия Темного на Новгород, взятие Русы, выход новгородцев на войну из города, сражение при Русе, взятие Василием Темным Молвотиц, побег из Новгорода вдовы Шемяки княгини Софьи, погребение княгини Марии (дочери княгини Софьи), отъезд владыки Евфимия на переговоры с великим князем, приход войска псковичей на помощь Новгороду, возвращение владыки Евфимия с миром, приезд в Новгород князя Юрия Васильевича — 6964 г.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Для 1451 г. точной датой будет 28 апреля. Выражение «назавтрѣ Радоничъ» встречается также в Синодальном списке Новгородской четвертой летописи под 6880/1372 г. (ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1. С. 297).

(«в пятокъ на Федоровъ недѣли», т. е. 13 февраля 1456 г.). Получается, что летописец Евфимия описывал современную историю, глядя на нее из-за стен Юрьева монастыря.⁶²

Две точные даты в ЛА относятся к описанию под 1453 г. разрушения, воссоздания и освящения церкви св. Иоанна в Торгу, «на Петрятинѣ дворѣ». Из владычной летописи мы узнаем, что подготовительные работы в церкви начались в воскресенье, 3 июня 1453 г.: «Того же лѣта, веснѣ, почаша рушити церковь камену святого Ивана на Петрятинѣ дворѣ, в Торгу, повелѣниемъ владыкы Еуфимия, мѣсяца июня въ 3 день в недѣлныи, на память святого Лукиана». Предыдущее известие того же года («той зимы») сообщает о приезде в Новгород князя Дмитрия Шемяки с войны «изъ Заволочья», а следующее после него — о смерти Шемяки во вторник, 17 июля 1453 г. В свою очередь после сообщения о смерти Дмитрия Юрьевича следует известие о воссоздании и освящении церкви св. Иоанна: «Того же лѣта свершиша церковь святого Ивана в Торгу, на Петрятинѣ дворѣ, мѣсяца септяврия въ 23 день, в недѣлю; и священна бысть архиепископомъ владыкою Еуфимиемъ на память Зачатия святого Иоанна».⁶³ Такое чередование в летописи Евфимия событий, связанных с судьбой Дмитрия Шемяки и с работами в церкви Иоанна Предтечи, представляется исполненным глубокого смысла. Как известно, эта церковь («Иоанна на Опоках») была построена князем Всеволодом Мстиславичем «в имя сына своего» Ивана в 1127 г. и получила от него пожалование («Рукописание Всеволода»)⁶⁴ Существенным представляется тот факт, что у князя Дмитрия Шемяки тоже был сын Иван, и возобновление княжеской по происхождению церкви должно было иметь смысл выражения поддержки Дмитрия Юрьевича и его наследника архиепископом Евфимием и новгородцами. Деятельное участие архиепископа Евфимия в судьбе этой церкви символизировало политическое единство Великого Новгорода и великого князя Дмитрия Юрьевича с сыном Иваном.

Это единство проявилось и в летописании. Можно видеть, что летописец Евфимия в равной степени описывает события, связанные как с архиепископом, так и с княжеским домом (при этом точные даты он проставляет даже чаще при описании последних), создавая, таким образом, своего рода совместное «владычно-княжеское» летописание. Этот необычный симбиоз оказался возможным благодаря присутствию в Великом Новгороде семьи и двора великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, который и сам был человеком «книжным».

⁶² В этом нет ничего удивительного, поскольку эта обитель славилась своими книжными древностями, и еще в XIV в. здесь дополнялся список владычной летописи (см.: Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 15—23). Кроме того, Новгородская пятая летопись (1447) создавалась, судя по ее специфическим чтением, в Пантелеймоновом монастыре, не только непосредственно прилегавшем территориально к Юрьеву монастырю, но и связанном с ним общей историей (Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 220—222).

⁶³ Позже, в 1455 г., был «подписанъ святыи Иванъ на Петрятинѣ дворѣ, повелѣниемъ владыкѣ Еуфимия» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 194).

⁶⁴ См.: Янин В. Л. Буевище «Петрянино дворище» в Новгороде // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 190—201. Об этой же церкви говорится в Повести о посаднике Добрыне, где рассказывается история о наказании получившего мзду посадника Добрыни, который был утоплен вихрем в Волхове за содействие «немцам» и повеление перенести церковь Иоанна Предтечи на другое место (см.: Бобров А. Г. «Повести древних лет» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 140—141, 160—161).

Существование совместного «владычно-княжеского» летописания отражало сложившуюся в Великом Новгороде политическую ситуацию. Вопреки московским великокняжеским сводам и другим русским летописям, летописец Евфимия II на всем протяжении текста последовательно именуется Дмитрием Шемяку «великим князем», а его жену Софию — «великой княгиней». Только летописец Евфимия II сообщает важнейший факт, что 2 апреля 1449 г. Дмитрий Юрьевич «челова крестъ» Великому Новгороду, а сами новгородцы — великому князю.⁶⁵ С этого момента Шемяка «сидел» на новгородском столе не как получивший временное убежище «князь-изгой», а именно как «великий князь». В этом нас убеждает и то обстоятельство, что одновременно с ним в Новгороде, согласно ЛА, был и другой «служилый князь» — Александр Васильевич Чарторыйский.⁶⁶ Таким образом, мы приходим к пониманию, что великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка сделал своей новой столицей Великий Новгород.

2) Поход Дмитрия Шемяки на Русский Север 1452 г.

Сам Шемяка не жил в Новгороде постоянно: до конца января 1450 г. он находился в Галиче, потом в Устюге, в 1452 г. — на Русском Севере. Неудача последнего похода 1452 г. вынудила Дмитрия Юрьевича вновь вернуться в Новгород. В этой связи следует отметить оказавшееся неучтенным в описании сборников Ефросина Белозерского его дополнение к тексту «Епистолии о неделе».⁶⁷ В конце этого сочинения говорится: «Написа же ся сие послание в лѣто 6956 [1448] индик(та) 12 въ градѣ Иер(у)с(а)л(и)мѣ. Преписа же ся сеи списокъ въ б(о)госп(а)саемѣмъ градѣ славном Москвѣ, при державѣ великог(о) самодержца кн(я)зя Василиа Василиевича и его с(ы)на великог(о) кн(я)зя Ивана Василиевича, а по бл(а)г(о)с(ло)вению г(о)с(поди)на н(а)-шег(о) прес(вя)щ(е)ннаго митрополита Ионы Киевскаго и всея Руси, в лѣт(о) 6960 [1452] индик(та) 15, м(е)с(я)ца марта въ 2 д(е)нь. Того году, коли пошелъ кн(я)зь великии Иванъ Василиевич съ всѣмъ своимъ воинством на кн(я)зя Дмитриа Юрьевич(а) на Шемяку» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088, л. 260 об.—261).⁶⁸

Данное упоминание князя Дмитрия Юрьевича Шемяки в автографе Ефросина Белозерского относится к событиям 1452 г. Здесь имеется в виду поход двенадцатилетнего княжича Ивана (будущего Ивана III) на реку Кокшенгу (к западу от Устюга, правый приток Ваги, в бассейне Северной Двины). Заключительная фраза, выделенная курсивом, — это дополнение самого Ефросина Белозерского.

Согласно великокняжескому летописанию, поход на Кокшенгу был частью успешной воинской операции: Василий Темный «отпусти сына своего князя великаго Иоанна на Кокшенгу противу князя Дмитреа, а сам поиде к Костромѣ, а с Костромы отпустил съ сыномъ своимъ сниматися царевича Ягупа, на

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192.

⁶⁶ Там же. Стб. 192—193.

⁶⁷ Согласно А. Д. Седельникову, переписанный Ефросином текст «Епистолии о неделе» относится к Иерусалимско-Иоакимовской редакции XV в. (Седельников А. Из истории «Епистолии о неделе»: Иерусалимско-Иоакимовская версия у русских и у южных славян // Slavia. 1932. Рос. 11, ses. 1—2. S. 56—72, 274—294).

⁶⁸ Подробнее об этой записи см.: Бобров А. Г. Упоминания русских князей XIV—XV веков в автографах Ефросина Белозерского. С. 167—168.

князя же Дмитрея. А преже того послал князя Василья Ярославича да с нимъ боярь своих, князя Семена Ивановича Оболенскаго и Федора Басенка, и иных многих, дворь свои, къ Устюгу. А князь Дмитрей под Устюгомъ стоа, услышавъ, что идет рать на него, пожегъ посад Устюжской, побеже. А князь велики Иванъ да царевичъ с ним, шед на Кокшенгу и градкы их поимаша, а землю ту всю плениша и в полонъ поведоша. А ходиша до усть Вагы и до Осинова поля, и отголя возвратишася назад всѣ здрави и со многым плѣном и користью». ⁶⁹

В Софийской второй летописи читается весьма близкий текст (уточняется дополнительно, что «землю ту всю пусту поплениша» и что вернулись войска «с великою користью»⁷⁰). Во Львовской летописи лишь кратко упоминается, что «ходилъ князь велики Иванъ Васильевич ратию на рѣку Двину и воевалъ Ноугородцкое Заволочие». ⁷¹ В целом из летописей XV в. следует, что основные силы Василия Темного («двор» и лучшие воеводы) были направлены против Дмитрия Шемяки не на Кокшенгу, а под Устюг. Поход на Кокшенгу княжича Ивана с отрядом союзного царевича Ягупа имел лишь захватнические и карательные цели. Он был, судя по всему, направлен против союзных Дмитрию Шемяке местных жителей — «кокшаров» («градкы их поимаша, а землю ту всю плениша»). Следовательно, сведения Ефросина Белозерского о том, что Иван Васильевич ходил на Дмитрия Шемяку «съ всѣмъ своимъ воинством» являются неточными: в Кокшенгском походе участвовала лишь часть великокняжеского войска.

В любом случае очевидно, что запись Ефросина Белозерского не восходит к летописным известиям. Она является неточной личной ассоциацией книжника в связи с упомянутой в источнике датой, его ошибочным «припоминанием» о событиях 1452 г. ⁷² Подобно другому упоминанию князя Юрия Дмитриевича Галицкого, ⁷³ в ефросиновской записи на полях это «припоминание» никак не

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 272.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. Стб. 126.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 20, перв. пол.: Львовская летопись. С. 262.

⁷² Согласно нашей гипотезе, Иван Дмитриевич после бегства в Литву и непродолжительного Новгород-Северского княжения принял иночество и стал знаменитым книжником Ефросином Белозерским. См. изложение различных аспектов этой гипотезы в следующих работах: *Бобров А. Г.* 1) Попытка одного отождествления : (Князь Иван Дмитриевич = инок Ефросин) // Псков в российской и европейской истории : (К 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 270—278; 2) Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // *Acta Slavica Iaponica*. Сарго, 2005. Т. 22. Р. 238—298; 3) Ефросин Белозерский как историограф // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 134—144; 5) Чин мироварения в автографе Ефросина Белозерского // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 833—856; 6) Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича... С. 94—172; 7) Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века. С. 124—151; 8) «Заколдованный круг» : (О книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // *Русская литература*. 2008. № 3. С. 65—118; 9) «Сказание об Индийском царстве» в версии Ефросина Белозерского // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 59. С. 264—292; 10) Упоминания русских князей XIV—XV веков в автографах Ефросина Белозерского. С. 155—172.

⁷³ Упоминание князя Юрия Дмитриевича, дошедшее в автографе Ефросина, находится в записи на полях, которое представляет собой примечание к упоминанию в основном тексте сборника имени Сергия Радонежского: «Сергие преставис(я) в лѣт(о) 6900 м(е)с(я)ца семпвриа 25, жил 70 лѣт, 30 лѣт игуменил, а Никонъ 40 лѣт игуменилъ, потом Сава (...) лѣт. Кн(я)зь Юрьи Дмитреевич хрестникъ его» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 167, запись на правом и нижнем полях). (См.: *Каган М. Д., Поньирко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 48). Юрий Дмитриевич был крестником не игумена Сава, упомянутого в перечне последним, а, как мы знаем из Троицкой

обусловлено контекстом и логикой повествования. Оно, скорее всего, возникает из автобиографических ассоциаций Ефросина Белозерского, связанных с неудачным походом князя Дмитрия Юрьевича Шемяки из Великого Новгорода на Русский Север в 1452 г.

3) *Дмитрий Шемяка и дьяк Стефан Бородатый*

В то время, когда Дмитрий Шемяка был «за Волоком», его дочь Мария вышла замуж в Новгороде за князя Александра Васильевича Чарторыйского.⁷⁴ Весьма вероятно, приблизительно тогда же состоялась свадьба и сына Дмитрия Шемяки — Ивана. Источники умалчивают об этом событии, и нам остается лишь предполагать, кем была жена князя Ивана Дмитриевича. Ранней была высказана гипотеза о том, что князь Иван был «зятем» великокняжеского дьяка Степана Никифоровича Бородатого,⁷⁵ т. е. был женат на его дочери или сестре.⁷⁶ Дьяк Степан был одним из ближайших к великокняжеской семье людей: именно он передает летописцу семейную легенду о чудесных обстоятельствах рождения Василия Темного (опасная болезнь матери, предсказание некоего старца монастыря Иоанна Предтечи на Бору о благополучных родах, указание неизвестного лица духовнику великого князя назвать младенца именем Василий).⁷⁷

Когда семья Дмитрия Юрьевича Шемяки находилась в Новгороде, «замышлением» дьяка Степана Бородатого в Москве с 8 января по 25 марта 1452 г. была переписана Хроника Георгия Амартола для архиепископа Новгородского Евфимия II и его казначея старца Феодора, «сердечного его ради еже о сеи книзѣ желания и любви».⁷⁸ Можно констатировать определенные контакты между двумя влиятельными государственными руководителями Новгорода и Москвы. «Новгород, где скрывался Дмитрий Шемяка, был нужен Москве в качестве союзника, и в этом ракурсе исполнение „желания“ казначея новгородского архиепископа приобретало государственное значение», — справедливо заметила в этой связи Т. В. Анисимова.⁷⁹ Вскоре Дмитрий Шемяка был отравлен, причем в обеих версиях истории преступления, находящихся в неофициальном летописании, совпадает один из его организаторов, доставивший яд в Новгород, — дьяк Степан Бородатый. Важно, что Степан Бородатый, согласно летописям, был вхож в дом Дмитрия Шемяки: он приехал к его боярину Ивану Котову, и они вместе пригласили на совет княжеского повара. То обстоятельство, что дьяк Василия Темного Степан сумел вступить

летописи, преподобного Сергия Радонежского (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 397). См. подробнее: *Бобров А. Г.* Упоминания русских князей XIV—XV веков в автографах Ефросина Белозерского. С. 165—167.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193.

⁷⁵ См. о нем: *Лурье Я. С.* Стефан Бородатый // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 416—417; *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. С. 161—162; *Анисимова Т. В.* О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола из собрания Е. Е. Егорова (XV—XVI вв.) // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 23—26.

⁷⁶ См. подробную аргументацию: *Бобров А. Г.* Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича... С. 110—119.

⁷⁷ См.: ПСРЛ. Т. 24. С. 177; ПСРЛ. Т. 25. С. 241—242.

⁷⁸ РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 863, л. 347 об. (см.: *Анисимова Т. В.* О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола... С. 24—26).

⁷⁹ *Анисимова Т. В.* О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола... С. 28.

в переговоры и войти в доверие к боярину и к повару Дмитрия Юрьевича находит логичное объяснение в том случае, если он уже был связан с домом Шемяки родственными отношениями.⁸⁰

И в дальнейшем, до самой смерти Василия Темного, дьяк Степан Бородатый продолжал выполнять ответственные дипломатические поручения великого князя, совершив поездки в Литву в 1456 г.⁸¹ и в Новгород в 1462 г.⁸² Еще позже, после смерти Василия Темного, при его сыне Иване III, дьяк Степан Бородатый перешел на службу к вдове Василия — Марии (Марфе) Ярославне («своеи государыне великой княгине Марье») он купил село на

⁸⁰ Можно полагать, что к началу 1456 г. у Ивана Дмитриевича уже были дети, поскольку в тексте Яжелбицкого мирного договора между Москвой и Великим Новгородом последний обязуется «князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его детей (курсив мой. — А. Б.) и его матери княгини Софьи и ее детей и зятяи Новугороду не приимати» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 43 (№ 23)).

⁸¹ О том, что в 1450-х гг. дьяк Степан ездил с какой-то миссией в Литву, мы узнаем из текста Верительной грамоты митрополита Ионы дьяку великого князя Степану Бородатому и митрополитскому дьяку Василию Карло, отправленным к польскому королю и литовскому великому князю Казимиру IV, обращаясь к которому Иона пишет: «...и брат ваш, князь велики[й], о всем к тебе на своем листу написал и речми с своим диаком со Степаном приотказ[ал]. И Бог даст, господине и сыну, на его листу о всем великое ваше господство познает и от его посла послышишь» (Русский феодальный архив. [Вып.] 1. С. 206—207 (№ 61; публикация текста); Русский феодальный архив. М., 1992. [Вып.] 5. С. 1017—1018 (комментарий)). Комментаторы (А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко) датируют составление Верительной грамоты дьякам Степану и Василию временем «между февралем 1451 г. и летом 1458 г.» (Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI в. [Вып.] 5. С. 1018). Т. В. Анисимова, незнакомая с публикацией Послания митрополита Ионы и с комментариями к публикации в указанном выше издании, без обоснования относит посольство ко времени «около 1450 г.» (Анисимова Т. В. О трех малоизвестных списках Хроники Георгия Амартола... С. 25). Согласно В. Л. Янину, Верительная грамота Ионы может быть датирована концом февраля—мартом 1456 г. (Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. : Хронологический комментарий. М., 1991. С. 182). Хотя А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко полагали, что никаких известий о посольствах в Литву за 1450-е гг. источники не сохранили, на самом деле существует информация о поездке великокняжеского «слуги» именно в это время. В материалах о местническом споре между Петром Михайловичем Плещеевым и Петром Лобаном Григорьевичем Заболоцким 7012/1504 г. была представлена несохранившаяся до наших дней грамота, в которой, в частности, о событиях 1456 г. говорилось: «...Приехал слуга мой из Литвы (курсив мой. — А. Б.), а сказывают, что перед ним приехала княгиня Дмитриева Шемякина к сыну в Оболцы...» (Разрядная книга 1475—1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич; Под ред., с предисл. В. И. Буганова. М., 1977. Т. 1, ч. 1. С. 83—84).

⁸² В январе 1462 г. дьяк Степан явился участником посольства великого князя Василия Темного в Великий Новгород. По мнению новгородского летописца, современника описываемых событий, это посольство было связано с какой-то «неправдою и нечестью», причем «оть многа замышления княжа возмушахуся новгородци»; архиепископ решил не ехать в Москву, куда его приглашали послы, в результате чего «нача князь великий Василеи Васильевич возмушати ся отъ гнѣва на архиепископа Иону и на Великий Новгородъ» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 207). Хотя содержание переговоров из слов летописца понять трудно, по обоюдному «возмущению» сторон очевидно, что проходили они очень напряженно. Вскоре, в 1463 г., новгородцы направили в Литву посольство «о княжи возмущении еже на Великии на Новгородъ Ивана Васильевича (...) ко князю Ивану Одреевичю Можайску и къ князю Ивану Дмитреевичю побороть по Великому Новгороду отъ князя великого» (Там же. Стб. 214). Употребление летописцем в известии 1463 г. того же самого термина «возмущение», что и при описании переговоров 1462 г., позволяет увязать требования московского посольства, в котором принимал участие дьяк Степан Бородатый, с последующим фактическим отказом Новгорода от положений Яжелбицкого мирного договора 1456 г. и обращением к находящимся в Литве князьям, в том числе к сыну Шемяки Ивану Дмитриевичу, за помощью против притязаний Москвы. Скорее всего, московское посольство потребовало от Новгорода целовать крест Ивану III как великому князю.

Клязьме⁸³), но в 1471 г. великий князь Иван III вновь его «испроси» у матери для участия в походе на Великий Новгород как «умбюющего воротити лѣтописцем руским».⁸⁴

Итак, дьяк Степан Никифорович Бородатый, бывший доверенным лицом великого князя Василия Темного, выполнявший его деликатные поручения по делам, связанным с Литвой, Новгородом и с Дмитрием Юрьевичем Шемякой, представляется нам близким родственником последнего. По всей видимости, дочь или сестра дьяка Степана Никифоровича Бородатого была женой Ивана, сына Дмитрия Юрьевича. Дошедшие до нас известия о дьяке Степане Бородатом свидетельствуют о том, что его судьба неоднократно и весьма драматично пересекалась с судьбой самого князя Дмитрия Шемяки.

5. Смерть Дмитрия Шемяки (1453)

После заключения брачных союзов своих детей в начале 1453 г. Дмитрий Юрьевич Шемяка пошел на мирные переговоры с Василием Темным. Окончание смуты на Руси было возможно в случае их успешного завершения. Мы знаем о самом факте мирных переговоров между Дмитрием Шемякой и Василием Темным из Послания митрополита Ионы архиепископу Новгородскому Евфимию II. В нем говорится, что Москва потребовала от Шемяки направить «посла с чистымь покоениемь» к великому князю, «и жалования у него просити такова, как было Богу любо, а крестьяньское бы устроение было и тишина, а ему бы как в чем было прожити по пригодью».⁸⁵ Ответный посол Дмитрия Юрьевича боярин Иван Новосильцев приехал, с точки зрения Москвы, «ни с чем, чему ся не мощно никоторыми делы свести» (т. е. согласие князя Дмитрия на предложенный ему вариант договора не было получено), а его посылаемые «тайно» грамоты были написаны с «великою высостию». За его спиной стоял могущественный Великий Новгород, и князь мог себе позволить говорить с Москвой с позиции силы. Очевидно, он продолжал настаивать на своем великокняжеском статусе, что и было названо иерархом «великою высостию». Митрополит Иона прямо угрожал архиепископу Новгородскому Евфимию II за поддержку князя Дмитрия Юрьевича: «поберези своего святительства».⁸⁶ Особенно интересно замечание в конце

⁸³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV—начала XVI века. Т. 1. С. 280—281 (№ 386).

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 172.

⁸⁵ Русский феодальный архив. [Вып.] 1. С. 160. «Пригодье» — «то, что нужно, полезно для повседневной потребности», «как следует, надлежит, в соответствии с пользой» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1994. Вып. 19. С. 132). Предлагаемое «жалование» великого князя описано достаточно ясно: здесь говорится о том, что Дмитрию Юрьевичу следует ожидать «жалования» в виде тихого *богоугодного* места, где было бы «*крестьяньское устроение*» и где были бы обеспечены его повседневные потребности. Это описание идеально подходит к монастырю. Нет никаких сомнений, что речь идет о предлагаемом пострижении князя Дмитрия Юрьевича в иноки. В этом не было ничего необычного. Напомним, что в монашестве закончили свой земной путь старший брат Дмитрия Шемяки князь Иван и его шурин князь Андрей. Установление того факта, что московское правительство требовало от князя Дмитрия Юрьевича ухода в монастырь, позволяет предполагать впоследствии аналогичное отношение и к его сыну, Ивану Дмитриевичу. Но Шемяка не согласился стать иноком.

⁸⁶ Русский феодальный архив. [Вып.] 1. С. 160—161.

Послания о том, что в будущем «на том будет та кровь христианская, кто тое крови христианское въсхочет или кто имет на то думати, а каким делом ни буди, — ино то на том и будет».⁸⁷ Речь шла о возможном продолжении феодальной войны, но история придала этим словам митрополита Ионы совершенно другой смысл.

В июле 1453 г. Дмитрий Юрьевич Шемяка был отравлен по поручению великого князя Василия Темного, о чем знали многие современники этого события.⁸⁸ В некоторых летописях упоминается, что Дмитрий Шемяка «умре со отравы»⁸⁹ или что «даша ему лютаго зеляя»,⁹⁰ однако великокняжеское летописание, как и новгородское, умолчало об обстоятельствах смерти Шемяки. В великокняжеских летописях говорится лишь, что князь Дмитрий Юрьевич умер «напрасно» (внезапно, безвременно⁹¹) и что подьячий, принесший эту весть в Москву, был сделан дьяком («Великий Князь изъявил нескромную радость», — заметил Н. М. Карамзин⁹²). Хорошо осведомленный летописец Евфимия II также сообщает только, что «преставися князь великыи Дмитриии Юрьевичъ». «Видимо, новгородские власти были заинтересованы в таком умолчании», — полагал Я. С. Лурье.⁹³ Но в ЛА встречается текст, позволяющий думать, что об этом преступлении Василия Темного и об отношении к нему духовников (в том числе и бывшего духовным отцом князя в 1453 г. Мартиниана Белозерского⁹⁴) было известно летописцу архиепископа Ионы. Описывая кровавые казни в Великий пост 1463 г., он говорит: «...не постави грѣха сего князю великому Василью Васильевичю, *таковая съдѣявши, что и отцемъ духовнымъ не велѣлъ приступити к нимъ* (курсив мой. — А. Б.)».⁹⁵ Что же именно летописец Ионы просит не считать грехом Василию Темному? Он сам описывает эти действия против «друголюбныхъ съвѣтниковъ» заточенного князя Василия Ярославича, совершенные «княжимъ велѣниемъ, а злаго диавола научениемъ»: «инья извѣшаху, а иного коньми растерзающе немилостивно, а ины оружиемъ прободоша, иному руцѣ и нозѣ отсѣкоша, а инья въ водѣ истопиша, и многы муки приемлюще, бесчисленныя язвы...». Но все это, по мнению саркастически настроенного летописца, можно даже не считать грехом по сравнению с чем-то иным, что совершил Василий Тем-

⁸⁷ Там же. С. 161.

⁸⁸ См. подробнее об отравлении Дмитрия Шемяки: Бобров А. Г. 1) Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича... С. 119—126; 2) Упоминания русских князей XIV—XV веков в автографах Ефросина Белозерского. С. 168—171. Как показали современные исследования останков князя Дмитрия Юрьевича, он действительно был отравлен мышьяком (Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 106—111, 210—217).

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 4, вып. 2. С. 464, 490.

⁹⁰ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печати, ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 83.

⁹¹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1983. Вып. 10. С. 194—195.

⁹² Карамзин Н. М. История государства Российского : В 12 т. М., 1993. Т. 5. С. 188.

⁹³ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. С. 92.

⁹⁴ Преподобный Мартиниан Белозерский, умерший в 1483 г., несомненно был хорошо осведомлен об участии Василия Темного в отравлении Шемяки и о подлинных исполнителях преступления, поскольку в 1453 г. именно он был духовником великого князя и, по всей видимости, сурово осудил убийство князя Дмитрия Юрьевича: «Примечательно, что охлаждение отношений между Василием II и его духовником наблюдается с тех самых пор, как в Москве узнали об отравлении Дмитрия Шемяки» (Борисов Н. Иван III. М., 2003. С. 138).

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 208.

ный. Этот неназванный грех князя даже не мог быть снят духовными отцами. Скорее всего, летописец имел в виду здесь отравление соправителя Василия Васильевича — великого князя Дмитрия Юрьевича.

Лишь в неофициальном летописании встречаются два варианта рассказа о смерти князя Дмитрия Шемяки, прямо указывающие на его отравителей. В Ермолинской летописи читаем: «Того же лѣта в Новѣградѣ Великомъ преставися князь Дмитреи Юрьевичъ Шемяка; людская молва говорятъ, что будетось со отравы умерль, а привозиль с Москвы Стефанъ Бородатыи дьякъ къ Исаку к посаднику к Борецкому,⁹⁶ а Исакъ деи подкупиль княжа Дмитре-ева повара, именемъ Поганка, тѣи же дасть ему зелие в куряти. И пригна с вѣстью на Москву к великому князю Василеи Бѣда подьячеи; князь же велики пожаловаль его дьячествомъ, и прорѣкоша ему людие мнози, яко не надолго будетъ времени его, и по малѣ сбьсться ему».⁹⁷ Еще более определенно вина за отравление Шемяки возлагается на великого князя в тексте Львовской летописи, восходящей к неофициальному своду 1480-х гг.: «Того же лѣта посла великии князь Стефана Бородатаго въ Новгородъ съ смертнымъ зелиемъ уморити князя Дмитрея. Онъ же приѣха въ Новгородъ къ боярину княжо Дмитриеву Ивану Котову, поведи ему речъ великого князя, он же обещаеся, якоже глаголетъ Давидъ: яды хлебъ мои възвеличи на мя леть; призва повара на сеи советъ. Бысть же князю Дмитрею по обычю въсхоте ясти о полудни и повеле себе едино куря доспети. Они же оканнии смертнымъ зелиемъ доспеша его и принесоша его предъ князь; и яде не ведый мысли ихъ; не случи же ся никому дати его. Ту же разболеса, и лежа 12 днеи преставися».⁹⁸

Разница между приведенными выше версиями неофициального летописания состоит в двух принципиальных подробностях. Во-первых, более ранняя версия Ермолинской летописи говорит о том, что отравка была привезена великокняжеским дьяком «с Москвы», лишь намекая на причастность к убийству великого князя Василия Темного (об этом же, вероятно, говорит и эпизод с пожалованием гонца, доставившего весть в Москву), а более поздняя версия Львовской летописи прямо утверждает: заказчик преступления — Василий II (Стефана Бородатого «посла великии князь», боярину Котову была передана «речь великого князя»). Во-вторых, разница состоит в том, что если в первом случае предполагаемым посредником между дьяком Стефаном и поваром выступает новгородский посадник Исаак Борецкий,⁹⁹ то во втором — им назван боярин Дмитрия Шемяки Иван Котов.

Версия Львовской летописи, в которой великий князь Василий Темный назван заказчиком убийства, подтверждается благодаря тому, что бывший

⁹⁶ В ркп. ошибочно «Богородицкому».

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 23. С. 155.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 20, перв. пол. С. 262.

⁹⁹ Исаак Андреевич Борецкий мог попасть под подозрение потому, что он вел переговоры с Москвой и незадолго до отравления Шемяки ездил послом от Новгорода к великому князю (Русский феодальный архив. [Вып.] 5. С. 976—977). Вообще, первая версия изложена в большей степени предположительно («...людская молва говорятъ, что будетось ... деи ...»), но поскольку «новгородское правительство в борьбе Василия II с Шемякой держало сторону Шемяки, а после его смерти сын его пользовался там большим почетом», постольку «участие Исаака Борецкого в отравлении Шемяки представляется маловероятным» (Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 335).

боярин Шемяки Иван Котов сразу после отравления Дмитрия Юрьевича становится дьяком его противника — московского великого князя. Об этом, как установил Ю. Г. Алексеев, свидетельствует наличие его монограммы на жалованной грамоте Василия Темного от 17 апреля 1454 г.¹⁰⁰ Кроме того, именно Котова считал отравителем Шемяки и близкий к семье великого князя преподобный игумен Пафнутий Боровский: когда к нему в монастырь пришел один монах-странник, прозорливый старец, никогда его раньше не видевший, сказал своим ученикам, что этот человек даже иночеством не очистился от крови князя Дмитрия, которого он уморил, а это и был Иван Котов.¹⁰¹

В версии истории отравления Дмитрия Шемяки, дошедшей до нас в неофициальном летописании 80-х гг. XV в. (восходящем в свою очередь к Кирилло-Белозерскому своду 1472 г.), мы видим явные признаки свидетельства очевидца происходивших событий.

Упоминание точной даты кончины Дмитрия Шемяки обнаруживается в автографе Ефросина Белозерского.¹⁰² Оно находится в заключительной части «Русского летописца»: «В лѣто 6961 (1453) г. преставися князь Дмитрею Юрьевич июля 23» (РНБ, собр. Погодина, № 1554, л. 16). Согласно С. Н. Кистереву, основной текст «Русского летописца» переписан рукой не Ефросина, а кирилло-белозерского игумена Игнатия (этот вопрос является дискуссионным), но перу белозерского инока в любом случае принадлежит дополнение: «июля 23».¹⁰³ Указание на день смерти Дмитрия Юрьевича 23 июля неизвестно летописной традиции, более ранней, чем дополнение Ефросина (та же дата обнаруживается лишь в Софийской второй летописи, восходящей к неофициальному своду 80-х гг. XV в.).¹⁰⁴ Поскольку ни в одном раннем источнике нет

¹⁰⁰ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 176—177, 307.

¹⁰¹ Троицкий патерик, или Сказания о святых угодниках Божиих, под благодатным водительством преподобного Сергия в его Троицкой и других обителях просиявших. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. С. 243 (Репринт изд. 1896 г.). Вторая версия представляется более достоверной не только из указанных соображений, но и благодаря наличию в ней мельчайших подробностей, которые трудно было бы придумать: «...князю Дмитрею по обычю въсхоте ясти о полудни и повеле себе едино куря доспети ... не случи же ся никому дати его. Ту же разболеса, и лежа 12 дней (курсив всюду мой. — А. Б.) преставися».

¹⁰² См. подробнее: Бобров А. Г. Упоминания русских князей XIV—XV веков в автографах Ефросина Белозерского. С. 168—171.

¹⁰³ Кистерев С. Н. Ефросин и «Роуский летописец» // Кистерев С. Н. Лабиринты Ефросина Белозерского. М.; СПб., 2012. С. 115—116. Впрочем, возможно перу Ефросина принадлежит только указание на месяц («июля»), а указание на число («23»), написанное другими чернилами, не обязательно было сделано им самим.

¹⁰⁴ Лурье Я. С. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 223—240; 2) Летопись Софийская II // Словарь книжников. Вып. 2: (Вторая половина XIV—XVI в.), ч. 2. С. 60—61. Согласно Типографской летописи, Дмитрий Шемяка умер «по Петрове дни», т. е. после 29 июня 1453 г. (ПСРЛ. Т. 24. С. 184), а в Житии Михаила Клопского утверждается, что он «канун Ильина дни преставися», т. е. перед 20 июля (Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов, статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 96). Автор ЛА приводит наиболее точную дату: «преставися князь великийи Дмитрию Юрьевичъ в Великомъ Новѣгородѣ на Городѣщи мѣсяца июля въ 17 день, въ вторникъ; и положень бысть в монастырь святого Егории въ церкви» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193). Та же дата смерти Шемяки, 17 июля, читается в окончаниях Новгородской четвертой летописи (по спискам Строевскому и Синодальному): ПСРЛ. Т. 4, вып. 2. С. 445. В псковских летописях говорится о смерти Шемяки 18 июля, «на память святого мученика Емелиана» (Псковские летописи. Вып. 1. С. 51; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 48, 140). Достоверность свидетельства ЛА подтверждается тем обстоятельством, что 17 июля 1453 г. действительно был вторник.

точной даты 23 июля, можно полагать, что Ефросин Белозерский привел ее по памяти, по личным воспоминаниям, оказавшимися, скорее всего, неточными по прошествии более десяти лет. Возможно, 23 июля произошло погребение князя Дмитрия Юрьевича.

В Житии новгородского монаха-юродивого Михаила Клопского также находятся сведения о последних днях жизни князя Дмитрия Шемяки.¹⁰⁵ По тексту Жития видно, что преподобный не был сторонником его врагов. О потерпевших поражение войсках Шемяки Михаил Клопский говорит «наши».¹⁰⁶ Михаил мог знать или догадываться о готовящемся физическом устранении Шемяки. Преподобный Михаил Клопский был родственником великих князей, поэтому у него могли быть какие-то собственные источники информации, а главное, он, как это следует из его Жития, обладал даром провидения, предсказания будущего. Клопский инок неоднократно предупреждал Шемяку о скорой смерти.¹⁰⁷ Существенно, что слова Михаила Клопского, обращенные к Дмитрию Шемяке «*земля вопиет*» являются скрытой реминисценцией библейского текста (Быт. 4: 10): «И рече Господь: „Что сотворил еси сие? Глась крове брата твоего *вопиеть* ко мне *от земли*“». Здесь говорится об осуждении Каина за убийство Авеля. Тот факт, что отравление Дмитрия Шемяки было заказано его двоюродным братом, позволяет понять этот библейский подтекст предсказания Михаила Клопского. Мы должны в этой связи вспомнить о «свойстве» Михаила Клопского с великокняжеской семьей и об особых отношениях, которые были у преподобного с родным дядей Василия Темного и Дмитрия Шемяки — князем Константином Дмитриевичем. Скорее всего, клопский инок внимательно следил за развитием борьбы между членами его семьи, в которой он был к тому времени, очевидно, самым старшим по возрасту.

Предсказания Михаил Клопского имели для адресата характер не просто предсказания скорой смерти, а прямого предостережения об угрозе, исходящей от своей братии. В предсказании кончины Шемяки Михаил Клопский, на наш взгляд, выступает не как вестник справедливого возмездия, а как доброжелательный советник, что проявляется даже в его выразительном жесте: «за голову принял да погладил».¹⁰⁸ Используя библейскую реминисценцию, он трижды предупреждает князя Дмитрия об опасности.

Отношение святого Михаила Клопского к Шемяке весьма показательно. Между прочим, впоследствии запрещение митрополита Ионы поминать Дмитрия Юрьевича в церкви вызвало возмущение другого преподобного, Пафнутия Боровского, вышедшего победителем из спора с иерархом: «И Пафнотеи до конца поминовал князя Дмитрея».¹⁰⁹

¹⁰⁵ См. подробнее: *Бобров А. Г.* Упоминания русских князей XIV—XV веков в автографах Ефросина Белозерского. С. 171—172.

¹⁰⁶ «Заблудили наши от супротивных бегая!» (Повести о житии Михаила Клопского. С. 96 (сн. 71), 132).

¹⁰⁷ В первый раз Михаил Клопский сказал Дмитрию Юрьевичу: «Княже, досягнеши 3-лакотнаго гроба!». Второй приезд Шемяки в Клопский монастырь состоялся перед самой его кончиной, «на Троецкой недели в пятоку», т. е., скорее всего, 25 мая 1453 г. Когда монахи пошли провожать Дмитрия Юрьевича, «Михаила князя за голову погладить да молвит: „Княже, земля вопиет!“ И трижды молвить» (Повести о житии Михаила Клопского. С. 96, 108).

¹⁰⁸ Там же. С. 108; ср. С. 96, 133.

¹⁰⁹ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 365—366.

Заключение

Итак, мы видим, что в произведениях древнерусской литературы представлены те же противоположные точки зрения на личность Дмитрия Шемяки, что и в трудах историков Нового времени. Как летописцы, так и авторы агиографических сочинений разделились на два лагеря — его решительных сторонников и противников.

Если признать, что Дмитрий Шемяка в 1434 г. добровольно уступил великое княжение Василию Васильевичу, если в 1436 г. он был невинно захвачен последним накануне свадьбы, если вина за ослепление Василия лежит не на Шемяке, а на Иване Можайском, если по договору с Василием Васильевичем он являлся равноправным с ним «великим князем», то и вся его судьба предстает перед читателями в ином свете. Можно согласиться с выводом К. П. Ковалева-Случевского, который считает, что Дмитрий Юрьевич Шемяка «был не только убит (отравлен), но и „осужден“ в сознании людей (с помощью официальной пропаганды того времени) на то, чтобы нести бремя „злодея“», поскольку «проиграл в борьбе за Московскую власть, имея на нее все права». ¹¹⁰ Насильственная смерть Дмитрия Шемяки от руки подосланного Василием Темным отравителя в контексте древнерусских летописных и агиографических произведений выглядит совсем не так, как это представляет себе значительная часть историков. Спор о Дмитрии Шемяке, начавшийся еще при его жизни, продолжается уже более пяти с половиной веков, и все больше аргументов может быть выдвинуто в пользу оправдания этого князя.

---

¹¹⁰ Ковалев-Случевский К. П. Юрий Звенигородский. Великий князь Московский. М., 2008. С. 366.